

Фролова Татьяна Николаевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Механизмы социальной памяти

Социально-историческая память во всех ее аспектах является актуальной темой дискуссий специалистов-теоретиков разных областей. В гуманитарном дискурсе проблема ставится философами, историками, социологами, психологами. С прошлого века феномен памяти становится особым объектом рефлексии и исследований.

Социально-историческая память не просто важнейший компонент общественного сознания, формирующий ценностную структуру личности и общества. Коллективная социальная память есть весь масштаб накопленного знания, ценностей, моральных и культурных норм общества, ее сбережение и передача следующим поколениям.

Вне социальной памяти невозможно говорить о социализации и социальной идентификации, единении социума и его скрепах, традициях, культуре в целом как передатчиках социально-исторической памяти. Механизмы памяти не только сберегают и структурируют знание о прошлом, но и актуализируют его, извлекая из глубин и воспроизводя в преобразованном современностью виде. Мирозидение современного человека и общества формируется благодаря механизмам социальной памяти, которая обеспечивает актуализацию ретроспективной информации.¹ В силу этого картина мира обретает целостность и историчность. Пройдя длительный исторический путь и будучи проверена временем, социальная память формирует тот феномен, который мы сегодня называем генетическим кодом нашего народа. Утратившее свою социальную память общество можно сравнить с человеком, тратившим собственное «Я».

В связи с этим сегодня возникает вопрос: является ли социально-историческая память неотъемлемым компонентом общества, его сознания. Или все-таки это ограниченный социальный ресурс, и ресурс не возобновляемый?

Социальная память, по мнению М. Хальбвакса, положившего начало дискуссиям о коллективной памяти, формируется и живет в социальных институтах и группах. К ним мы относим и семью, и религиозные институты, идеологию и государство. Современные интенсивно происходящие трансформации общества, смена, а часто подмена ценностей приводят к исчезновению традиционных институтов передачи коллективной памяти. А следом исчезает и коллективная память. На смену приходит историография, которая не может выполнить функции социальной памяти. Более того, «искусственный» характер исторической памяти и нерукотворность социальной неизбежно вступают в конфликт. Борьба с историей, ее переписывание, интерпретация и управление смыслами невозможны по отношению к памяти социальной.

Может ли сегодня общество говорить о существовании коллективной памяти? Не отождествляем ли мы социальную память с собственно историей, хотя они, безусловно, взаимосвязаны. И не подменяем ли мы ее историографическим дискурсом?

История сегодня становится предметом манипуляций, ведь контроль над прошлым — необходимое условие контроля над настоящим². Социальная же память свободна от политики и идеологии. Социальная память дает обществу возможность осмыслить ценность собственной культуры в ряду других, понимать собственное место в человеческой истории.³

Российское общество еще остается приверженцем традиций, но и в нем сильны тенденции определенной части социума к приобщению к «цивилизованному миру», к провозглашению «новых ценностей», отказа от исконных традиций и базовых ценностей. Однако, борьба идеологий, упадок культуры, нравственных ориентиров приводят к разрушению коллективной

¹ Галанина Н. В. Историко-философский анализ представлений о социальной монаде как саморазвивающейся целостности // Философские исследования и современность: Вып. 9. М., 2020. С. 29–31.

² Ивашевский С. Л. Политика памяти в российском образовании // Философия образования. 2016. № 1 (64). С. 92–101.

³ Треушников И. А. Онтогносеология философии единства // Философские исследования и современность: Вып. 8. М., 2019. С. 270.

памяти¹. Человечеству известны случаи полного забвения коллективного прошлого, истории, культуры, потери социальной преемственности и, как следствие, утраты целых народов.

Таким образом, проблема социальной памяти является не только предметом сугубо теоретического анализа, но и представляет практический интерес. Социальная память, будучи важнейшим элементом, обуславливающим настоящее социума, во многом закладывает основы его будущего. В равной степени она может способствовать как форсированию, так и сдерживанию различных социальных процессов, включая необходимые механизмы.

Знание этих механизмов, имеющих влияние на общество в целом или отдельные социальные группы, дает возможность понимания общества, социальной реальности и позволяет эффективно выстраивать социальное планирование и управление.

Галанина Наталия Викторовна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Российская консервативная традиция XIX века о сущности права

Любая государственная идеология стремится к непрерывности социально-исторического бытия в осознанной деятельности социальных субъектов. Когда социальный субъект ощущает связь времен, он понимает, что его усилия, затраченные на строительство приемлемого порядка для него, народа, этноса или цивилизации имели не случайный и хаотичный смысл и значение, а представляли собой последовательное исполнение миссии какой-либо высшей идеи. Эта идея была и будет даже когда уйдут с жизненной сцены ее прародители и последователи. Ничто так не опустошает и не отравляет человеческое существование, как чувство бессмысленности и оторванности от Великого пути и Божественной идеи. Любому культурно обусловленному субъекту, как минимум важна связь с культурной традицией своего рода, этноса, нации, а разорванность с ней чревата непониманием и саморазрушением личностного как психического, так и обще культурного бытия. Понимание правовой реальности как традиционно детерминированной было свойственно русским консерваторам XIX века.

В этой связи, исследователь творчества славянофилов, И. А. Треушников справедливо заявляет, о том, что в России как в XIX веке, так и в современный период, поиск нравственно-правовых ориентиров, соответствующих русской ментальности, остается основной потребностью общества и актуальной задачей для философов и политических деятелей².

В русской консервативной традиции, начиная с Н. М. Карамзина, были сформулированы основные принципы консервативной идеологии: полное неприятие революционных действий, недоверие к рациональным идеям Просвещения, критика ценностей сугубо индивидуалистических, построенных на прагматизме и утилитаризме. Ссылаясь на эти принципы, русские консерваторы сформулировали основные положения права.

Во-первых, они считали заблуждением в правотворчестве опираться главным образом на разум. А. С. Хомяков в этой связи был решительно иррационален и считал, что все умственные теории удел книг, а древность и ее учреждения наполнены магической силой, не заменяемой умом³. Западные мыслители создают псевдо-право, которое никак в самобытное не превратить.

Во-вторых, особым объектом критики русских консерваторов было Гражданское уложение М. М. Сперанского. Карамзин был против того, что пример для уложения Сперанский брал у французов, а не опирался на органически русский традиционный фундамент обычаев и нравов российского народа.

В-третьих, консерваторы традиционно смотрели на правотворчество как на опосредованное моралью и обусловленное историческими нравами явление. Торопиться в правотворчестве не нужно, опережать свое время опасно и недальновидно. Все новое должно прийти органично в положенное самой социальной системой время, эволюционно.

¹ Вызовы современного мира и цивилизационный выбор России: материалы межведомственного круглого стола // Философские исследования и современность: Вып. 9. М., 2020. С. 191–230.

² Треушников И. А. правовые аспекты проблемы «Запад-Восток» в философии всеединства // Философия права. 2009. № 2 (33). С. 17.

³ Хомяков А. С. Мнение русских об иностранцах // О старом и новом. М., 1988. С. 265